PG3476
.A64
K69
1928

Цена 10 к.

ВИКТОР АРДОВ

КОЗЕЛ В ОГОРОДЕ

№ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА БЕГЕМОТ 108

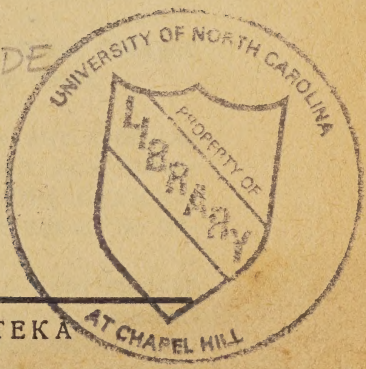
UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00010304020

PG3476
.A64
K69
1928

ВИКТОР АРДОВ

КОЗЕЛ В ОГОРОДЕ

KOZEL V OGORODE



ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА"
Изд-во „Красная Газета"
Ленинград — 1928

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

Ленинградский Областлит № 8867. Тираж 25000 экз.
Заказ № 3168.

КОЗЕЛ В ОГОРОДЕ

К концу гражданской панихиды у подъезда появился человек в шляпе мягкой по фасону и от долгого употребления. У человека за спиной был небольшой кожаный футляр, а в руках — треножник штатива, на который он ловко присел. Человек осмотрелся и вынутой из кармана папиросой полез в лицо кучеру катафалка: прикурить.

— А сколько же теперь стоит как следует похорониться? — спросил он при этом.

Кучер пожал плечами:

— Как сказать... Можем мы вот этот катафалк подать, как обыкновенно для ответственного работника, можем что-нибудь подешевле исделать, но гроб все равно не отпадает.

Человек на штативе, видимо, намеревался приценяться к катафалку для ответственных работников, который величественно поднимался среди мостовой на своих четырех

колесах, но в это время густо пошел народ после панихиды. Тогда лицо человека стало сразу сосредоточенным, он соскочил со штатива и быстро наладил фотографический аппарат.

Народ валил все гуще, пока, наконец, над головами не закачался гроб, несомый шестью товарищами покойного. И тут фотограф сказал громко и ворчливо:

— Граждане, попрошу не застить гроба. Ведь не могу я через вас снимать, правда? Ну и вот! Разгрузите фокус!

Охочая до снимков публика послушалась, вокруг гроба образовалось пустое пространство. Фотограф щелкнул два раза и сейчас же перебежал вместе с аппаратом. Перебежал, уставил треножник и недовольно зацыркал:

— Ццц! Опять полно народу! Граждане, поймите, мне надо снять в катафалке только одного усопшего! Как-нибудь потом я с удовольствием в такой же позе сниму любого из вас. А сейчас разгрузите мне фокус, граждане! Разгрузите, разгрузите!.. Вот так!

Народ снова отошел, сочувствуя фотоработе. А фотограф сверхъестественно изогнулся над камерой.

— Одну минуту! — бросил он покойнику.— Спокойно, снимаю!... Благодарю вас!

— Все? — спросил тогда распорядитель с траурным бантом на груди, — можем отправляться?

Но неугомонный служитель десятой музы и шестой державы уже чувствовал свою силу и сердито взмахнул штативом:

— Как это все? Как все? А вдову, что же, медведь снимать будет?!

Распорядитель смущенно наклонился к нему:

— Видите ли, покойный товарищ Здрыкин был холостяк. Вдовы, так сказать, не существует в природе.

— Что-ж вы надо мной смеетесь, что ли? Как же я в редакции покажусь без вдовы? — и фотограф сложил свои принадлежности на землю.

Распорядитель почесал затылок:

— Мать есть. Может, подойдет?

— Давайте уж! Оно не то, конечно, но раз вдовы нет... Это вы — мать? Вы? Что-ж, вы надо мной смеетеся, что ли?!

Пожилая и робкая женщина, подведенная распорядителем, была ошеломлена таким приемом:

— Нет, не смеюсь... А что?

— А то! Какая же вы мать, да еще покойного, если у вас трауру кот наплакал: одна тряпочка на рукаве?! И-эх вы! Нате уж вам покрышку от аппарата: она черная, спустите со шляпы и ладно...

Мать была снята обернутой в полотнище выцветшего черного сукна. Распорядитель робко спросил:

— А теперь можно?

— Ни в коем случае! Впрочем, катафалк можете отправить: он мне больше не понадобится до угла Карла Маркса и Троцкого. Эй, кучер! Везите себе потихоньку ваше добро, а там на углу подождете нас... Так. А мы пока заснимем сослуживцев покойного. Кто здесь сослуживцы?

Катафалк одиноко проехал, а фотографа обступило десять человек.

Он осмотрел их со вниманием и сказал:

— Сослуживцы? Вы что же, смеетесь надо мной?! Ну, типаж! Ничего сослуживчицкого... А вот вы, гражданин, не сослуживец?—и фотограф обратился к чрезвычайно бородатому человеку, который, разинув рот, смотрел в аппарат.

Бородатый человек смутился.

— Нету,— прошептал он,— мы не тутошние, прохожие мы!

— Ну и что-ж, что прохожие? Становись за сослуживца вот сюда, поближе к объективу!

Так оно и было снято: впереди бородатый зевака, а сзади фактические сослуживцы, выглядывающие из-за обильной растительности первого плана.

Затем по милостивому разрешению фотографа пошли догонять катафалк. Катафалк стоял на углу Карла Маркса и Троцкого, покинутый кучером и факельщиками: они

расположились у палатки невдалеке и, отставив свои белые цилиндры, уничтожали по второй порции мороженого. Впрочем, после сердитого фотографского оклика процессия быстро соединилась и в надлежащем порядке двинулась дальше.

И опять последовал грозный рык:

— Что же, они смеются надо мной, что ли?

— Кто смеется? Чего вам? — совсем покорно спросил распорядитель.

— Как чего? Процессию на ходу при таком слабом свете медведь снимать будет, да? Чёрти что! Придется снимать с выдержкой. Эй, заноси все по одной ноге, будто ходите!

Занесли. И держали. Пока фотограф отсчитывал пятнадцать секунд. А после этого он сказал:

— Не вышло. Заноси еще раз!.. Ну? Начали! Раз, два, три, четыре, пять, шесть... десять, одиннадцать, двенадцать... пятнадцать. Ну, теперь так. Айда на кладбище! Который теперь час?

— Второго половина, — ответил хор послушных голосов.

— Ну, да? Что же вы смеетесь?.. Мне же к трем часам на конференцию кормилиц надо... Как же быть? — и фотограф быстро решил: — Вот что: вы себе идите потихоньку до кладбища, а я на катафалке поеду вперед. Сниму могилку, еще раз покойничка, то-другое, пятое-десятое и — конец. А вы себе

идите потихоньку. Да: кто собирается произносить речи — садись со мной! Тоже засниму там, пока вы подойдете.

Из провожающих безмолвно выделились двое товарищей. Вместе с фотографом они присели на катафалк, и тогда фотограф сказал:

— Трогай, что ли, голубчик!

— Эй, бргись! — лихо гаркнул кучер.

Тяжелая повозка затряслась в быстрой рыси и исчезла за углом.

Осиротевшая толпа тихо тронулась. Оркестр к удивлению встречных заиграл похоронный марш перед процессией... без гроба...

* * *

Через неделю журналы поместили ряд фотографий, изображающих торжественные похороны. Фотографии были безупречны и отлично воспроизводили внушительную процессию, так-что участники ее были даже несколько польщены.

А фотограф с подкупающе-добродушной улыбкой смотрел на воспроизведение своих снимков и говорил:

— Это, знаете, умение надо. Такую точку найти, так расставить народ, чтобы действительно похороны были торжественные и подобающие. Медведь так не снимет, хе-хе!..

И со своей, фотографической, точки зрения он был прав.

СЕМЕЙНАЯ СТЕНГАЗЕТА

Ученик 35-й школы 2-й ступени имени Тиберия Гракха — Иванов Николай, 12 лет, — гражданин в высшей степени сознательный.

Во-первых, он — лучший барабанщик в отряде пионеров.

Во-вторых, — председатель кружка „Даешь лыжи".

В-третьих, — секретарь комиссии по организации горячих завтраков.

В-четвертых, — активный работник школьной живой газеты „Синяя пуговица".

И в-пятых, — признанный специалист и бессменный докладчик в школе по вопросам высокой политики.

Одним словом, Иванов Николай имеет крупный общественный стаж.

И его прямо-таки давила рутина старого быта в собственной семье.

Неоднократно Коля Иванов принимал меры и агитировал за переход на начала широкой общественности.

В конце-концов Иванов решил прибегнуть к испытанному средству воздействия на отсталых членов общества:

Он решил выпустить домашнюю стенгазету.

С присущей ему сознательностью Коля взвалил на себя работу: редактора, метранпажа, наборщика, иллюстратора, корреспондента просто и семкора (семейного корреспондента). И через два дня на видном месте у ванной — наиболее посещаемое помещение квартиры — висела свеженькая, вся в рисунках семейная газета:

ДОМАШНЯЯ КРАСНАЯ ШВАБРА

СЕМЕЙНАЯ СТЕНГАЗЕТА

Передовая.

О семейной газете и семейном быте.

Многие скажут: „Зачем нужна семейная газета? Это совсем ни к чему, а только баловство".

Между тем такое сказать — есть не что иное, как отсталость.

Наша семья скоро будет справлять пятнадцатилетний юбилей (считая со свадьбы папы с мамой). Конечно, есть и достижения, например, — мы, дети.

Но в нашей квартире осталось еще очень много пережитков старого быта, как, например, папа пьет русскую горькую и т. д. И вообще почему бы не установить разумных отчислений из заработка на культурные цели, скажем, футбольный мяч или что другое?

Все это нужно тщательно обсудить, а в газете обсуждать очень удобно. Мы сумеем дать отпор нашим врагам, будь они Чемберлен или даже кто-нибудь из жильцов.

Редакция.

О производительности.

Сейчас много думают о производительности труда, потому что всякие задержки мешают работе.

А вот у нас во время обеда между супом и другим кушаньем бывают антракты по полчаса каждые пять минут. А почему? Говорят, что только один примус на весь обед.

Вот и надо купить еще примус, а то задержки есть и жалко времени.

Шарик.

Что делается в квартире и на кухне.

В воскресенье обещали пирог с капустой. Вот бы хорошо!

Вчера гражданка Кузякина опять поругалась с жиличкой из 13-го номера, а та ее

назвала „стервой“ и „драной кошкой“. Во-первых, гражданка Кузякина чересчур толстая, таких кошек и не бывает. А потом она сказала, что еще народный суд разберет, кто кошка и кто стерва.

Где буза.

Про галоши. У нас в передней все галоши лежат кучей, так-что, когда торопишься в школу или еще по каким делам, сразу и не разберешь, какая — твоя галоша, а какая не твоя. Так нельзя.

Детектор.

Зачем уборка? Многие ходят каждый день учиться и могут поздно спать только по воскресеньям. Да не тут-то было: мать прямо с утра начинает убирать и всех будит. Пусть бы убирала потом!

Конек.

СТИХИ

Коль полна квартира храпа,
Значит спать улегся папа.

У Кузякиной живот
Враз всю комнату займет.

Ты не бей, папаша, дочь,
От Маруси руки прочь!
От редакции: И сына тоже.

В пятнадцатой группе пионеры
Барабан любят без меры.

Даешь радиоприемник!

Вношу 10 (десять) копеек в фонд радиоприемника для всей квартиры (поставлю в коридоре, честное слово) и вызываю Иванова, С. И., Иванову, М. П., Иванова, П. С. (трех лет), Кузякина, А. Ю., Кузякину, К. И., и кто сам хочет.

Иванов Николай.

Таков краеугольный камень общественности, заложенный в собственной семье учеником 35-ой школы 2-ой ступени имени Тиберия Гракха—Ивановым Николаем, 12 лет.

ДЕЛО О ПРОХОДНОЙ КОМНАТЕ

(*Сценка*).

Народный суд. На скамьях публики двумя кучками группируются тяжущиеся, оживленно гудят. На них с ленивым любопытством глядят судебные завсегдатаи и те, кто участвуют в других делах.

Входят судья и народные заседатели, быстро поднимаются на ступени, занимают места. Судья оглашает:

— Дело о проходной комнате в квартире номер три дома пятнадцать по Жираффовой улице, между гражданами Небурчиловым и Харпилюком. Граждане Небурчилов и Харпилюк — здесь?

— Тут — Небурчилов.

— Я здесь, Харпилюк.

— Подойдите к столу. Свидетелей по делу прошу покинуть зал. На что же вы жалуетесь, гражданин Небурчилов?

— Проходная комната, конечно. Об ей разговор и жалоба, что, конечно, желаю ей пользоваться. А они вот не дозволяют, что, якобы, комната — иха.

— А вам она зачем?

— Извиняюсь, конечно, ни вещичек каких положить негде, ни племянницы положить негде...

— Ну, а сейчас эта комната чем занята?

— Сейчас барахло кое-какое ихнее имеется. Потом под вонь комната занята и...

— Подо что?

— Под вонь. Вонь там, запахи, конечно, вращаются, потому как они есть фершал по собачьей там и лошадиной части, то мази крутят, от которых, конечно, не продохнуть.

— Так. Больше, значит, никак комната не использована?

— Нет, окромя того еще приходящая живность бывает. Я, как сказал, они — фершал по животной части, то у них, конечно, прием с амбулаторией. И хорошо, ежели собаки или там кошечки приходят лечиться. А ну, как лошадь? И, конечно, мерины посещают. А на той неделе бык на лестнице гулял: не понравилось ему лечиться, быку...

— А что-ж ты, Петя, про собак молчишь? Небось и обкусали всего, а ты молчишь!

— Да, и собаки, это — верно. Которая на излечении у них живет собака — тоже в той комнате — норовит, конечно, тяпнуть. Тем

более, к собаке малость попривык, а у них уже другая собака и снова здорово—искусывайся, пока не приучишь.

— Так. Теперь что вы можете сказать суду, гражданин Харпилюк?

— Проистекающая серость и, главным образом, необразованность, что жалуются. А что — вонь, то с этим совладать нельзя, потому — химия. Химия всегда вонять будет. А собак они, гражданин судья, с утра до ночи дразнют: плюют — дразнют, палкой дразнют, пальтой и то дразнют. Собака — она тоже человек, гражданин судья, ей такое обидно...

— А когда она мне нос прокусила, что же я ее носом дразнил, да?

— И носом, и носом. От вас, чертей, всего жди!...

— Тише! Значит, у вас действительно в этой комнате помещаются животные? А вот гражданину вещей поставить некуда.

— Извиняюсь, является проблема: какие это вещички? Если сундучек, или какой столик, то что же нет? Но когда биллиард хотят в проходную комнату, то какой в ней останется проход? Это нужно заранее реагировать.

— Гражданин Небурчилов, вы на самом деле хотите туда биллиард ставить?

— Конечно, как же теперь быть, гражданин судья? В голодные годы, конечно, выме-

нял я его — биллиард то-есть — на крупу, и только для ради сукна выменял: так-что всей семьей в зеленое сукно пообшился. Теперь не бросать же мне такую вещь, да? Так с тех пор вокруг биллиарда и живем. И, конечно, до того теснился эти годы, верите ли, комоды и те в два этажа поставил. На полу комод, а на комоде — другой комод. Неужто мне теперь его на слом отдавать, биллиард?!

— Достаточно. Попросите теперь председателя жилищного товарищества... Это вы — председатель жилищного товарищества дома номер пятнадцать по Жираффовой улице?

— Э... э... э... граждане-члены, которые почтивши доверием и, между прочим, э... э... которые избрали меня, что якобы... э... э... буду именно председателем, то в настоящий данный момент — да.

— Вот тут выяснилось, что гражданин Харпилюк вводит в квартиру животных, даже лошадей. Как же вы это допускаете? Или это по-вашему нормально — вводить в квартиру животных, а? нормально?

— Конечно, которое я говорил... э... э... определенно не раз, что... э... да, действительно, — животные, которое на жилищной площади... э... э... якобы не приходится, то при теперешнем кризисе — нет.

— Извиняюсь, мои животные — нет, а евонная коза — да, и куры евонные — тоже да!

Вы у него спросите, гражданин судья, через что он подъезд закрыл, как не через козу и кур, что там держит!

— Гражданин председатель, это верно, что у вас в подъезде — куры и коза?

— Э... которое боятся за кражу-пропажу многие члены-жильцы и тем более, которое на швейцаров средств... э... э... нехватка, то якобы уже восемь лет в подъезде заперто и не только вешают белье для усушки, но, безусловно, в данное теперешнее время пустил курей и козу — да.

— Ага. Достаточно. Попросите теперь свидетеля Лопахина. Вы — гражданин Лопахин?

— Так точно.

— Что вам известно по делу об этой проходной комнате?

— Про комнату — это мы не беремся, но только как живем мы в подвале, то опять нас, выходит, залило. И оттеда льет, и через ванную трубу, и через уборную, и сквозь раковину и все текет.

— Какое-ж это имеет отношение к делу Небурчилова и Харпилюка?

— Извиняюсь, гражданин судья, но, как сказать, упреждали мы, что гражданина Небурчилова, то и этого Харпилюка — не мыться. Но только на их не течет, вот они чистоту и соблюдают. И сверху теперича льет, и с потолка капит, и через ванную

трубу, и скрозь раковину и третий день мы плаваем...

— Позвольте, гражданин Лопахин, это к делу не относится. Вы расскажите суду, что вам известно по поводу проходной комнаты.

— Извиняюсь, как же так, гражданин судья, как же не относится. Кашкин, товарищ председатель,—вон он сидит,—обещался, что все, дескать, исделаю и новый винтиль поставлю, а на нас все текет. И сверху льет, и с потолка капит, и через ванную трубу, и через уборную, и скрозь раковину...

— Ну, хорошо, достаточно, ступайте. Попросите теперь свидетеля Морепанова. Это вы — Морепанов? Расскажите суду, что вам известно относительно этой проходной комнаты?

— А что-ж тут рассказывать, у? Ну, известно мне, что ругаются там из-за комнаты. Мне с утра надо работать, а тут — руготня. Я сам певец, ко мне ученицы ходят. Представьте себе, вы вот ведете судебное заседание, а тут рядом — по-матери. Что-ж хорошего? Так соседние ноты и поешь. Ничего смешного нет.

— А что вы можете сказать относительно животных, которых держит в этой комнате Харпилюк?

— Ну, и что же тут хорошего, у? Если в комнате собака, совершенно чужая собака

и хоть бы вы, например, проходите, и она вам рвет штаны. То ведь вам неудобно заседать в драных штанах, да? Также и мне. Ничего смешного тут нет.

— Хорошо. Вы свободны.

— И ничего смешного тут нет. И у вас может собака штаны порвать, и вот у них, у народных заседателей...Что-ж тут смешного?..

— Попросите свидетельницу Сапуськo...

— Что же нам теперь, так и нырять, гражданин судья? И оттеда теперича льет, и с потолка капит, и скрозь раковину текет, и скрозь ванную...

— Я вам не разрешал говорить! Ступайте! Скажите вот вы, гражданка Сапуськo, что вам известно об этой проходной комнате?

— А то известно, что никакого прохода в этой проходной комнате нет. Какой может быть проход мимо собак, которые, совершенно не стесняясь и не подумав, кто идет, куда, зачем, — прямо так и кусаются? Вот этому гражданину — Морепанову — один пудель,— не пудель, но тоже такой лохматый, штаны совершенно на мелкие дребезги изорвал. Каждая дребезга, ну, вот такая — не больше.

— Ну, ясно. Достаточно, гражданка Сапуськo. Вы свободны.

— Неужели же, гражданин судья, нам так и купаться теперь? И сверху льет, и скрозь

потолок текет, и через ванную трубу текет, и скрозь раковину...

— Замолчите, гражданин! Суду все ясно и суд не нуждается больше в свидетельских показаниях.

— Извиняюсь, кажется — опоздал?

— Кто вы такой? На что вы опоздали?

— Дело Небурчилова — Харпилюк. Свидетель Стрекач. Вот удостоверение, что Стрекач, а вот что — свидетель.

— А вы что же, в этой квартире проживаете?

— Обязательно. Вот справка, что проживаю, а вот, что — в этой квартире.

— Угу. А занимаетесь вы чем?

— Видите ли, я — хранитель. Вот удостоверение.

— Что же вы храните?

— Музей. То-есть его еще нет, но он может оказаться, музей. Вот справка, что — нет, а вот справка, что — может оказаться.

— Как это так?

— А, видите ли, в комнате, которую я занимаю, может быть, ночевал Пушкин. Вот удостоверение. Но не наверное, потому что, может быть, Пушкина искусали клопы, и тогда он сбежал. Вот справка о клопах. А пока я на всякий случай храню. Вот еще удостоверение.

— Так. А насчет проходной комнаты вы что-нибудь знаете?

— Нет. Вот справка.

— Так зачем же вы явились?

— А это Харпилюк виноват. Он на меня сердит. Так и сказал: „Погоди, говорит, я тебя выставлю свидетелем, так ты промаешься целый день в суде, будешь знать как со мной ругаться". Вот справка, что ругался.

— Ах, вот что... Ну, достаточно. Суд удаляется на совещание.

АКТИФ

(История болезни одного товарища. На правах исследования).

Когда у жены товарища Козова спрашивают, где пропадает ее муж, жена, нахмурившись, машет рукой:

— Тронутый он у меня. Потому и пропадает. Больной. У него, знаете ли, актиф.

— Ссс!.. Что же это теперь хуже или лучше сыпного тифа будет? Или, может, как возвратный?

Впрочем, жена — элемент голословный. А вот на службе положение товарища Козова определяет доска объявлений: там постоянно прибито не менее 22 протоколов и сообщений. И в них товарищ Козов значится: председателем — шесть раз, секретарем — восемь раз, членом (комиссии бюро, президиума, правления, тройки, четверки, пятерки, ячейки) и лицом, которому поручается что-нибудь по графе „постановили", — шестьдесят шесть раз.

На работе товарищ Козов циркулирует правильными рейсами между помещениями ячейки, фабкома и клуба. Это — общеизвестно. И потому за 20 минут до прихода товарища Козова на работу не менее десяти паломников усеивают фарватер помянутого товарища. Паломники бегают, потрясая бумагами, сталкиваются друг с другом и ревут:

— Вы не видели товарища Козова?

— Да нет, я его и сам ищу!

— О, чорт!

Когда, наконец, появляется товарищ Козов с двумя портфелями под двумя мышками и одним в зубах, ожидавшие, умноженные солидным подкреплением новых клиентов, окружают его плотной толпой.

— Товарищ Козов, — успевает выкрикнуть полупридавленная секретарша, — Эраст Порфирыч спрашивает, как с запросом Тютьупра?

— А почему не согласовано? — успевает ответить товарищ Козов и оборачивается, так как его уже тянут за портфель:

— Что же теперича, ублаготворите вы нас сверхурочными, али нет?

— Протокол у вас есть? — пытается реагировать товарищ Козов. Но уже поздно, потому что пуговица на толстовке товарища Козова зажата пальцами ревнивого автора, и незаслуженную обиду выдает:

— Нет, вы скажите, почему не пошла моя заметка в стенгазету?!

— Договоритесь с фабкомом! — И товарищ Козов исчезает в дверях клуба.

Несколько коллективных чертыханий, публика слегка рассасывается и из ячейки выходит ответственный секретарь.

— Ребята, не видели Козова? — говорит он. — У нас сейчас заседание, а его черти где-то носят...

Секретарь некоторое время шарит в пределах описанных нами рейсов товарища Козова и с триумфом извлекает его из клуба. Секретарь, ругаясь и уговаривая, тянет Козова в помещение ячейки:

— Знаешь же, чортов сын, что заседание, где же ты задевался?..

— А протокол у вас есть? — товарищ Козов спрашивает сразу и секретаря и снова обступивших его посетителей. Но, не дождавшись ответа, скрывается в ячейке.

Однако, не надолго. Потому что энергичного вида председатель фабкома распахивает дверь помещения ячейки и в свою очередь выволакивает Козова оттуда.

— Ступай, ступай!... Собрание не ждет!

Пока Козов не скрылся в фабкоме, надежда вновь охватывает всех ожидающих и проявляется во внезапном гуле:

— Товарищ Козов, нам на субботу большой зал под лекцию!..

— Я вот насчет распространения литературы Бумтраха...

— Как же насчет снега-то?!

— Договоритесь с фабкомом... — доносится из-за двери.

Заведующий клубом хлопает всеми дверями, просовывает в каждую из них голову и хмыкает:

— Хмы... И что же этот Козов думает, а? Совещание идет, вопросы, кворум нужен, а его с собаками не сыщешь... Хм!..

Сыскивает без собак. В фабкоме. И уводит в клуб сквозь обновившийся строй лиц, жаждущих товарища Козова.

Дальше происходит такое: ответственный секретарь ячейки ищет товарища Козова, находит в клубе и ведет к себе на заседание. Председатель фабкома также обшаривает окрестности и переманивает Козова на собрание. Затем снова начинает хлопать дверями хмыкающий завклубом, с тем, чтобы найти Козова в фабкоме и потащить на совещание в клуб. Эта приятная игра продолжается все время и перебивается только домоганиями прочих контрагентов товарища Козова. Люди ловят его на всем пути и до хрипа кричат.

Затем секретарь ячейки, председатель фабкома и заведующий клубом уже вместе ищут товарища Козова, а последний переходит из комнаты в комнату на один прогон раньше их. Игра продолжается...

В половине восьмого вечера жена товарища Козова появляется среди посетителей, с чисто-родственной решительностью хватает его за оба портфеля подмышками и кричит:

— Что же ты это делаешь, а?! Обещался домой в пять, а сейчас который?!

— Договоритесь с фабкомом... — вяло отвечает товарищ Козов.

— Да жена я тебе или не жена??!!—В сущности, по степени визга сомнений быть не может. Но товарищ Козов верен себе:

— А протокол у вас есть?

— Спятил, как есть, в конец спятил! Иди ты сейчас домой, идол!

— Это не согласовано...

Теперь жена оттерта и товарища Козова окружают секретарь ячейки, председатель фабкома и завклубом. Наконец, нашли...

* * *

Диагноз по данному случаю заболевания, как и полагается, висит на доске. Мы его уже упоминали. Вот он: председателем—6 раз; секретарем — 8 раз, членом (комиссии, бюро, президиума, правления, тройки, четверки, пятерки, ячейки) и лицом, которому поручается что-нибудь по графе „постановили“,— 66 раз (шестьдесят шесть).

Из характеристики болезни можно еще привести следующие выдержки.

... Одним из осложнений этого недуга должно считать перебои... в работе, поручаемой больному. И еще: такой разновидности актиф обязательно отражается на... всех, имеющих дела с пораженным.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ КАРТИНА

Заведующий фабрикой подтяжек имени Эразма Роттердамского при Сандуновском ЕПО отставил счеты и взглянул на вошедшего посетителя.

— Ага, — сказал он, — присядьте. Мы сейчас.

И затем обратился к своему помощнику:

— Вот что, Иван Маркелыч, я тебе давно хотел... Не миновать нам картину ставить. Производственную то-есть, о нашей фабрике.

— Так чего же? — согласился помощник, — пожалста! Вызывай киношников, и пускай они крутят. Разрезка резины, пошивка петель, упаковка — все можно заснять...

— Ну, нет! — на лице заведующего отразилось презрение и даже обида. — Так не годится! Упаковка, пошивка... Картина должна быть серьезная. Чтобы действующие лица были — хорошие и плохие, а между ними — мы. Тоже чтобы крупными планами. Да вот

товарищ из „Плюнь-Разотрем-Кино“ как-раз. Они уж и сценарий заготовили для нас, значит... Может, зачитаете, товарищ?

Посетитель подмял под себя пальто, снял шапку и развернул большую кипу исписанной бумаги.

— Извольте, — сказал он, — называется „Красные подтяжки“, производственная революционная драма в 6 частях с прологом, эпилогом и двумя междулогами.

... На заводе „Пролетарский гуталин“ трудится рабочий Сознательнов. Он давно уже стал рабкором и занимается вопросами производства. У него есть невеста, работница на том же заводе — товарищ Катя.

И вот однажды рабкор Сознательнов, вплотную подошедший к вопросам НОТ'а, пишет такую заметку в газету „Красный луч пролетарской свободы“:

„ПОДТЯЖКИ и НОТ, ГДЕ ВЫ?

Большинство рабочих нашего завода не носит подтяжек, отчего у них во время работы падают штаны, а вместе с ними падает производительность труда, так как на подтягивание штанов вручную уходит рабочее время. Подтяжки и НОТ, где вы? Пора поставить вопрос о расхищении дорогого нам времени из-за подтяжечных простоев.

Карее око“.

В то же время администрация фабрики подтяжек имени Эразма Роттердамского не дремлет и вырабатывает план льготного отпуска подтяжек для трудящихся коллективов. (На этом месте заведующий фабрикой приятно всхлипывает и указывает помощнику на сценарий).

Однако, бывший владелец завода „Пролетарский гуталин" Буржуазов тоже не дремлет. Он уговаривает малосознательного рабочего Пивнушкина сорвать предложение Сознательнова о поднятии штанов и производительности труда.

Сознательнов ставит свой проект на производственном совещании, но кучка крикунов и бузотеров во главе с Пивнушкиным не дремлет и срывает важное новшество.

Тем временем администрация фабрики подтяжек имени Эразма Роттердамского не дремлет и обходит все цехи фабрики.

Между тем Буржуазов и Пивнушкин добиваются исключения Сознательнова с завода по обвинению его в мелко-буржуазной отрыжке: ношении подтяжек.

Несмотря на это, рабкор не сдается! На выходное пособие он покупает на фабрике имени Эразма Роттердамского несколько пар подтяжек, крепко жмет руку заведующему фабрикой и — не дремлет!

Тогда же невеста Сознательнова — товарищ Катя раздает эти подтяжки рабочим за-

вода „Пролетарский гуталин“ и тоже начинает не дремать. Завод переходит на сдельщину, и все рабочие видят, насколько повышают заработок экономящие время подтяжки. Те подтяжки, которые передал уволенный рабкор Сознательнов. Часть рабочих не дремлет и требует возвращения Сознательнова, у которого нет никакой отрыжки!

Сознательнов в последний раз не дремлет, возвращается на завод и теперь уже проводит свое предложение о массовой покупке подтяжек именно на фабрике имени Эразма Роттердамского.

Администрация фабрики подтяжек подписывает бумаги, но ради такого случая, как приход Сознательнова, его невесты — товарища Кати и других делегатов завода „Пролетарский гуталин“ с заказом на подтяжки для всего завода, — ради этого случая администрация отрывается от бумаг и на всякий случай еще раз гуляет по цехам вместе с посетителями.

Сознательнов же, одев новые, прямо из упаковочного отделения подтяжки, идет с товарищем Катей в ЗАГС и целует этого товарища на фоне полезных и удобных подтяжек фабрики имени Эразма Роттердамского. Конец“.

Заведующий потрясен и украдкой вытирает непрошенную слезу.

— Сколько раз снимается администрация фабрики? — спрашивает он.

— Четыре раза. Но можно прибавить.

— Вот это — действительно картина! Сколько она будет стоить?

— Самые пустяки — тысяч семьдесят, не больше...

— Пиши заявление на аванс! Живва!!

Заявление написано, и так-называемые культурные фильмы отныне имеют украситься еще одним идеологически выдержанным экземпляром...

КИНО-ТОРГОВЛЯ

В кладовой на полках лентами в круглых алюминиевых коробках лежат ожидающие своего возникновения на полотне экрана — герои и сюжеты.

У прилавка — предупредительный, расторопный приказчик.

Густо идет покупатель: ведь каждый вечер сотни белых прямоугольников требуют пищи себе и публике...

— Вам что угодно, гражданин?

— Да вот фильмочек хотелось бы подобрать. Программки на три.

— Сделайте одолжение! Советскими или иностранными интересуетесь? Из советских могу предложить вот это. Полный комплект, так сказать: оргия белых, поп блюет,—300 метров, злодей-офицер, три-четыре расстрела... Конечно, кадры гражданской войны. Не без того.

— Нет, мне из строительства что-нибудь. По текущим вопросам.

— Извольте: кооперативный вопросик, женский, авиация-химия...

— Авиация или химия?

— Они у нас завсегда на пару идут. Отдельно не продаются. Если не нравится, возьмите женский вопросик. Не плохой набор: передовая крестьянка, самогон, кулак, два изнасилования, ликвидация безграмотности. К этой же картине можно прирезать и электрификацию...

— А из городских сюжетов что есть?

— Порекомендую беспризорного. Очень фотогеничный парнишка. Обыкновенно пересыпаем детективом, уголовными типами и затем, как полагается, в конце — детский дом на 50 метров, чтобы не скучно...

— Пожалуй... Еще бы что-нибудь...

— Сделайте одолжение! Возьмите селькора с убийством. Тут вам — враги трудовой республики, Загс, комик-кооператор, эксплоатация незаможников... Вместе с беспризорным — 80 рублей 75 копеек. Будьте добры в кассу... Вам чего?

— Мне бы западного барахла...

— Драму, комедию?

— Смотря что есть.

— Извольте! Из имеющегося могу предложить женщину-вампира. Публика очень интересуется вампирами. В три части доводит любовника до сумасшедшего дома и обратно.

— Нет, нам бы подобродетельней чего.

— Тогда можно наоборот: покинутую девушку. При ней бесплатно плод несчастной любви и китаец, который начинает лелеять. Само собой, мерзавца дадим, от которого плод...

— А из приключений что найдется?

— Тут героями больше львы. Так-сказать, львиная доля. Но можно подобрать преступного профессора или преступного миллиардера, — как хотите. Ковбоев положим, наемных мерзавцев. Ну, лассо; драки, — метров 700. За отдельную доплату — сыщика. Девушка в галифе тоже хорошо идет.

— А отдельными приключениями брать можно?

— Сделайте одолжение! По таксе. Погоня — 20 копеек с метра; на аэроплане — дороже. Мордобой — 30 копеек метр. Львы — по полтиннику. Слон — семь гривен. Скала или там крыша небоскреба — рубль двадцать. Пожар — два рубля, со взрывом — два с полтиной, все равно — дом или корабль.

— А если комическую?

— Извольте!.. Комик в котелке или с очками за червонец. Погоня и мордобой идут те же, что и для детектива. А посудная лавка, чтобы разбивать, — 2.20. Хотите, сразу ее бейте, хотите по частям...

— Давайте, что ли...

Ведь каждый вечер сотни белых прямоугольников требуют пищи: себе для публики...

В КИНО

Зрительный зал кинематографа. Сеанс только-что начался. Темно. По проходу торопятся запоздавшие.

— Скорее, уже начали!..

— Сонечка, сюда, здесь свободно...

— Осторожнее, молодой человек, здесь уже сидят!

— Кто сидит?

— Я сижу.

— Сонечка, сюда...

— И здесь занято: не видите, лежит.

— Кто лежит?

— Галоша лежит — значит занято!

— Но позволь... Это недопустимо... Да я...

— Гражданин, напрасно вы свой живот крупным планом показываете. Неинтересно! Садитесь!..

— Садитесь! Чорт знает что! Уберите его!

„Таинственная стерва", в заглавной роли — Миа Май. Часть 1-я. „Она была дитей цирка уже 27 лет от роду".

„Атлет Кирш любит Елену, но она питает к нему отвращение".

— А чем питает?

— Перестаньте разговаривать! Мешаете смотреть.

— А вы, гражданин, ушами смотрите, что ли?

— Хоть носом! За свои деньги смотрю, не за ваши.

„Выпущенные на свободу звери разбрелись по городу".

— Ай, что это?!

— Тут тоже зверь разбрелся! Ползает!..

— Не беспокойтесь, мадам, — это я.

— Кто я?

— Да я. Со вторых мест я. Пятиалтынный под кого-то закатился. Потому и ищу.

— Смотри, смотри — слон дерется! Хоботом рраз!..

— Так его, так — хоботом — два! Напод-д-дай ему!

— Не понимаю, как это они не боятся? Здоровый такой лев, а они его за хвост тянут!

— Очень просто: хвост-то — фальшивый. Специально для этой картины куцого льва держат.

— Господи, гляди, гляди — со всего размаха по голове!

— Очень просто: и голова фальшивая. Ему даже и не больно.

— Гражданин, а, гражданин, вы свой пятиалтынный нашли?

— Пока нет. А что?

— А то, что я щекотки боюсь, а вы здесь ползаете! Пошел, пошел отсюда!

— Мало ему рядов кроме, нет, непременно там надо искать, где люди щекотки боятся!

— Оставьте, Петя, я не хочу с вами целоваться!

— А я хочу!

— А я, знаете, люблю сипологические драмы.

— Какие?

— Сипологические. Чтобы с аристократией. Графья разные, баронессы.

— Петя, я больше не хочу целоваться!

— А я хочу!

— Гляди, плачет! На самом деле плачет! Нешто можно по заказу плакать?

— Раз слеза фальшивая, почему ему не заплакать?..

— Рамку давай! Ниже рамку.

— Гражданин, который пятиалтынный, ползаете еще?

— Нет, бросил. Ни черта не видать и соседи беспокоятся. Да особенно ползать и не стоит. Тем более пятиалтынный у меня в кармане нашелся. (Храп).

— Гражданин! (Храп).

— Товарищ!

— А? Что? Кончилось?

— Нет, не кончилось...

— Какого же чорта вы людям спать мешаете?! (Храп).

— Ну, что ты скажешь! Прямо по скуле, ччорт! И как это не больно?

— Не настоящая скула у них. Фальшивая. Вот и не больно.

— „Ранен... Альфред... С трудом полз...“ Эх, чорт: так и не прочел...

— Да, заторопили. Ну, главное ясно: ползти будет.

— Кто? Этот вот ползет? Н-да. А я так думаю, что он в бегах участвует.

— Что за чорт! Только-что она дома сидела, а теперь в Америке. Я за шляпой на секунду нагнулся, а она уже в Америке.

— Пока вы, гражданин, за шляпой нагибались, она уже и океан переплыть успела. Как-раз вы кораблекрушение пропустили.

— И как это у них быстро все: ползет человек — бегом, кораблекрушение — в секунду...

— Очень просто, граждане: на следующий сеанс публика пособралась. Вот и гонят... „Коне... треть... сер...“ Видите: конец, все!

Зажигается свет и публика, распаренная почти в смятку, уминается в выходные двери.

2-50
008113

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
БЕГЕМОТ

В 1928 г. вышли из печати:

№ 92. Э. Гард. В страну чудес.
№ 93. И. Прутков. Для потомства.
№ 94. И. Потапенко. История одной «коммуны».
№ 95. Вяч. Шишков. Кикимора.
№ 96. В. Черний. Чудесная девушка.
№ 97. Игн. Ломакин. Идеал женщины.
№ 98. Р. Волженин. Пощечина.
№ 99-100. Синклер Льюис. Я знаком с самим президентом!
№ 101. М. Коварский. Первый сценарий.
№ 102. В. Тоболяков. Писатели.
№ 103. Анри Дювернуа. Парижане.
№ 104. К. Шелонский. Смешные человечки.
№ 105. Г. Стэффен. Шиворот навыворот.
№ 106. М. Людвигов. Большой день в Чикаго.
№ 107. Шолом Аш Гость с того света.
№ 108. Виктор Ардов. Козел в огороде.

Цена отдельного выпуска 10 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧКА:

№ 1. Влад. Воинов. Трусики—беленькие усики. Ц. 15 к.
№ 2. Игн. Ломакин. Бурый бродяга. Ц. 15 к.
№ 3. Р. Волженин. Дом из коврижек. Ц. 10 к.
№ 4. К. Чуковский. Чепушинка. Ц. 10 к.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ.

Еженед. библиотека вместе с журналом „БЕГЕМОТ"

На 1 мес. . . . . 1 р. — к. ≡ На 6 мес. . . . . 5 р. 40 к.
„ 3 „ . . . . 2 „ 75 „ ≡ „ 12 „ . . . . . 10 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ в отделении Главн. Конторы—ПРОСПЕКТ 25 ОКТЯБРЯ, д. № 68, и во всех почтовых конторах СССР.

Заказы и деньги направлять: ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57. Изд-во „КРАСНАЯ ГАЗЕТА".